

АДМИНИСТРАЦИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

ИНСТИТУТ "ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО"

САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П. В. АЛАБИНА

КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.
(ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ)

Материалы
II Международной археологической конференции
17-20 ноября 1997 г.

САМАРА 1998

В.Ю.Морозов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАХОДОК САСАНИДСКИХ МОНЕТ ДЛЯ ХРОНОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИКАМЬЯ

Датирование археологических памятников - одна из важнейших проблем в археологии, а датирование по находкам монет все чаще подвергается сомнению. Каждая монета до попадания в землю какое-то время использовалась, вопрос в том, каков был период этого использования. Заострил на этом внимание А.К.Амброз. Он исходил из твердого убеждения, что любая монета имеет три даты: дату выпуска, дату попадания в регион и дату попадания в землю, - и разрыв между первой и последней настолько большой, что при датировке верхнего предела погребений монету можно не учитывать (Амброз А.К., 1980, с.11). А.К.Амброз приводил примеры запаздывания сасанидских монет в 100-200 лет (Амброз А.К., 1980, с.48), отмечал, что нужно не вычислять средний период запаздывания монет, а подходить к каждой монете индивидуально, и что главный критерий датировки - не монета, а сравнительная хронология археологических комплексов (Амброз А.К., 1980, с.12). Исходя из этого он считал, что связь конкретных сасанидских монет с конкретными этапами, в частности, ломоватовской культуры не имеет значения (Амброз А.К., 1980, с.49).

Несомненно, концепция А.К.Амброза, имея немало положительных сторон, весьма полезна в борьбе против крайностей ориентации только на монеты при датировании, хотя сама в некоторых отношениях является противоположной крайностью. Например, в курганных погребениях V-VI вв. неволинской культуры нет монет Хосроя II (590-628 гг.), а в бескурганных погребениях VII-VIII вв. их большинство, редки случаи находок более ранних монет только в сочетании с драхмами Хосроя II. Точно такое же различие между погребениями конца VI-VII вв. и конца VII-VIII вв. ломоватовской культуры. Также ошибкой является то, что автор не выделил различие пробитых и непробитых монет, а период запаздывания у монет, участвовавших в денежном обращении, и монет-украшений всегда разный.

Из 223 зарегистрированных нами драхм о 101 (45,3%) мы не имеем данных о наличии либо отсутствии отверстий. Из оставшихся 122 драхм 12 монет (5,4%) найдены во фрагментах или имеют на-

столько плохую сохранность, что нет никакой возможности определить, имеется ли отверстие. 96 монет (43%) отверстия имеют, и только 14 (6,3%) драхм определенно не имеют отверстий. Получается, что не использовались как украшения 14 драхм из 110. Соотношение у среднеазиатских монет (бухархудатских, хорезмийских) 5 к 20. Такое соотношение - аргумент не в пользу наличия денежного обращения. Да и в целом находок сасанидских монет слишком мало для денежного обращения. Тогда как же использовались монеты в регионе?

Отдельно стоит рассмотреть находки сасанидских монет на памятниках именьковской культуры. На них найдено 10 сасанидских драхм середины V-середины VI вв., все они без отверстий. Во-первых, это свидетельствует о том, что отверстия в драхмах пробивались уже на месте, в Прикамье. А завозились они по Волге еще без отверстий. Во-вторых, племенами именьковской культуры монеты не использовались как подвески-украшения. И все десять драхм найдены не в могильниках, а на поселениях. Но это не означает, что у именьковцев было денежное обращение, хотя, несомненно, ценность серебра им была понятна.

Самое логичное объяснение: сасанидская драхма у именьковцев была предметом из драгоценного металла, серебряным сырьем для изготовления других предметов. Доказательство этого - состав Кармалинского монетно-вещевого клада. Кроме сасанидских драхм в него входили серебряные изделия, а также серебряный лом и золотая фольга, применяемая для изготовления украшений. Это позволяет выдвинуть предположение, что клад принадлежал местному ремесленнику-ювелиру, и что сасанидская драхма была лишь серебряным сырьем (Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991, с.177). Имея только такое практическое значение, драхма не могла долго использоваться и сравнительно быстро переплавлялась.

Исключив монеты, связанные с именьковцами, обнаруживаем, что на Среднее Прикамье остается только 4 сасанидские драхмы и 5 других монет, не имеющих отверстия, из известных нам находок. Одна из этих 9 монет найдена случайно, недалеко от устья Камы. Две найдены на поселении. Остальные шесть - в погребальных комплексах. Интересно, что все эти шесть монет найдены в пределах выделенного нами ранее «пермского» района (Морозов В.Ю., 1996, с.150).

Денежного обращения в этом районе в тот период еще не было, следовательно монеты выменивали ради какой-то другой их ценно-

сти. Ценность эта была двойкой: как серебряного сырья и как возможного украшения подвески. Поэтому, очевидно, что и в Прикамье драхма через непродолжительное время либо переплавлялась, либо пробивалась, и свое бытование и возможный дальнейший путь осуществляла уже в виде украшения. Поэтому так мало найдено непробитых монет, успевших попасть в землю еще в первую стадию своего бытования. В погребениях такие монеты если не несли роль «обола мертвых» (Потин В.М., 1971, с.49), то, во всяком случае, были жертвенными монетами. Три такие монеты, положение которых в погребении известно, располагались: две в районе тазовых костей погребенного (погр.5А Бартымского I могильника и 19 Верх-Саинского могильника), одна - в засыпи погребения (погр.16 Бартымского I могильника) (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.29-30, 38, 39). Все непробитые монеты всегда хронологически сочетаются с сопутствующим археологическим материалом. В.М.Потин для «оболов мертвых» считал обычным срок запаздывания в 50 лет (Потин В.М., 1971, с.72). По исследованиям В.Л.Янина, средний диапазон обращавшихся куфических монет на Востоке был 30-40 лет (Янин В.Л., 1956, с.84). Вряд ли он был больше в Сасанидском Иране. Например, разброс монет в Кармалинском кладе - 26 лет (Морозов В.Ю., 1995, с.324). Исходя из суммы времени обращения монеты в месте изготовления, сравнительно малого времени пути в регион и времени использования в регионе, периодом запаздывание непробитых монет можно считать максимум 50 лет.

Конечно, совершенно иное должно быть отношение к монетам-подвескам. Ф.А.Теплоухов, В.Л.Янин, В.Ф.Генинг (Теплоухов Ф.А., 1895, с.276; Янин В.Л., 1956, с.82; Генинг В.Ф., 1953, с.96) предупреждали о возможности долгого их бытования. В.М.Потин по материалам погребений в Древней Руси считает, что украшения могли использоваться 100-200 и более лет (Потин В.М., 1971, с.72).

Некоторые исследователи считают, что монеты-украшения не передавались по наследству и попадали в землю через 4-50 лет после выпуска монеты (Ахмеров Р.Б., 1984, с.32; Королев К.С., 1985, с.118). Но данные этнографии и истории свидетельствуют, что украшения очень часто передаются по наследству, тем более что у прикамских культур монеты не были прикреплены плотно к одежде, а входили чаще всего в состав ожерелий. Археологические данные показывают, что в целом в регионе монеты-привески могли практически не запаздывать, а могли запаздывать и на 350 лет от года выпуска, но наиболее часто период запаздывания в 100-110 лет

(в среднем по региону).

Отдельный разговор о находках монет Хосроя II (590-628 г.), многие погребения с которыми датируются концом VII-первой половиной VIII вв. Рассмотрим обстановку в Иране в VII в. В 628 г. убит Хосрой II, после него череда молниеносно сменяющихся правителей, не успевающих ни изъять из обращения драхмы Хосроя II, ни выпустить достаточного количества своей. С 632 г. на престоле Ездигерд III, но тут на государство нападают и постепенно его захватывают арабы. В результате этого Ездигерд III был лишен нормальной обстановки для выпуска монет, их было выпущено очень мало, а находки единичны на Кавказе и в самом Иране (Дьяконов М.М., 1961, с.319-320; Колесников А.И., 1982, с.46; Цоцелия М.В., 1981, с.20). Все это время в Иране обращалась драхма Хосроя II (только в 620 г., по сообщению Табари, Хосроем II было выпущено более двух миллиардов драхм - явное преувеличение, но все же!) (Тревер К.В., 1939, с.276). Полностью захватив Иран, арабские наместники начали выпуск своей, так называемой «арабо-сасанидской» монеты по образцу драхм опять же Хосроя II (Фрай Р., 1972, с.331; Колесников А.И., 1982, с.48). Но выпускали их недолго, и тираж был сравнительно небольшим. Об этом говорит их незначительное количество по сравнению с находками сасанидских и куфических монет и в Иране, и на Кавказе, и в России. И в это время основную нагрузку в денежном обращении играла все та же драхма Хосроя II. Только в конце VII в. на территории Ирана драхмы Хосроя II и арабо-сасанидские монеты были заменены куфическими дирхемами. В прикаспийских же областях Ирана (Грязневич П.А., 1971, с.95) и на Кавказе они в небольших количествах обращались и позднее.

Следовательно, поток сасанидских драхм Хосроя II мог, постепенно уменьшаясь, поступать в Урало-Поволжский регион до конца VII в., что частично объясняет увеличенный период запаздывания. В завершающий этап этого процесса драхма Хосроя II поступала в регион вместе с арабо-сасанидской монетой. Свидетельство этому - но крайней мере 5 арабо-сасанидских монет, найденных в регионе в погребениях. В одном из них найдены вместе драхма Хосроя II 618 г. и арабо-сасанидская монета (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.56).

В конце VII в. в результате арабо-хазарских войн и постепенного отступления хазар к Волге волжский торговый путь - путь поступления сасанидских монет - на время был перекрыт (Теплоухов Ф.А.,

1895, с.284; Магомедов М.Г., 1983, с.59, 192-193).

Абсолютное большинство сасанидских монет в Прикамье переходило во вторую стадию бытования и либо переплавлялось, либо становилось украшениями. По мнению П.Г.Любомирова, дирхемы на Руси принимались по металлу и весу, а подробности легенды монеты роли не играли (Любомиров П.Г., 1923, с.10). Но в Прикамье монеты принимались не только по металлу, так как встречаются и медные монеты-подвески, и вряд ли по весу, так как не было денежного обращения. Скорее всего принимались они поштучно. И наличие изображения на монете имело значимость, так как роль монеты была стать украшением-подвеской.

Но очень интересно было бы разобраться, понимали ли рисунки на монетах жители Прикамья? Может быть, им было важно какое-то определенное изображение на монете?

Было рассмотрено расположение 87 отверстий на 69 монетах. Данные в целом показывают, что в среднем какого-либо приоритета у лицевой или оборотной стороны монеты нет. 40 отверстий связаны с лицевой стороной, где изображен правитель, 35 - с оборотной, где изображены алтарь и два стража на сасанидских и бухар-худатских монетах, или всадник - на хорезмийских.

Хронологическая раскладка этих данных четкой картины не дает, хотя можно заметить, что к концу VI в. преимущество постепенно переходит от оборотной к лицевой стороне, но оно незначительное.

Более интересно сочетание географической и хронологической раскладки. Так, в могильниках неволинской культуры приблизительное равенство использования аверса и реверса с чуть заметным постепенным ростом использования аверса. В памятниках ломоватовской культуры преобладает аверс, но используется и оборотная сторона монеты.

Зато в памятниках полумской, а затем чепецкой культуры, с самого начала появления сасанидской драхмы (для бассейна Чепцы начало - VII в.) явное преобладание реверса (8 отверстий из 11). Очевидно, нужно вспомнить данные С.А.Яниной, изучившей находки индикации сасанидских драхм в погребениях могильника Мыдлань-Шай и заметившей, что они сделаны с оборотной стороны монеты (Янина С.А., 1962, с.133).

В данном случае и отверстия, и индикации - явление одного порядка, свидетельствующие, что для населения Чепцы изображение на оборотной стороне драхмы имело какой-то смысл, для нас, к сожалению, скрытый.

Сасанидские монеты попадали на Чепцу из Верхнего Прикамья, где в значительной степени использовалась лицевая сторона монеты. Например, в погр.276 Варнинского могильника в одном ожерелье две монеты (Семенов В.А., 1980, с.64), имеющие отверстия на оборотную сторону. Но одна из них предварительно имела другое отверстие - на лицевую сторону.

С.А.Янина считает, что индикации сасанидских монет делались в Прикамье после разгрома Сасанидов, когда прекратился приток сасанидских монет (Янина С.А., 1962, с.131). Вероятно, можно уточнить, что подобные индикации оборотной стороны делались только на территории полумской культуры не раньше начала VIII в., так как первая волна сасанидских драхм схлынула лишь в конце VII в. и только к началу-середине VIII в. это должно было почувствоваться на территории полумской культуры.

В Прикамье явно прослеживается стремление при изготовлении украшений сохранить какую-то связь подвески с изображением на монете. Лишь 5 отверстий из 87 расположены без учета схемы рисунка. Уверенно можно сказать и то, что в большинстве случаев значимо, где верх изображения, где низ, потому что 62 отверстия расположено над изображением и лишь 20 - под ним. Вероятнее всего появление отверстия под изображением - результат ошибки, а не сознательного действия. Особенно это касается оборотной стороны драхм, верх или низ изображения которого сможет определить далеко не каждый наш современник. Смысл этой сцены вряд ли был понятен жителям Прикамья. Поэтому иногда в одном ожерелье находится монета с отверстием над изображением реверса и с отверстием под изображением реверса. Монеты с ошибочным отверстием под аверсом встречаются реже, так как понятнее изображение. Только один раз (погр.120 Верх-Саинского могильника) в одном ожерелье встречены сразу две монеты с подобной ошибкой. Но обе имеют такой нечеткий и неглубокий чекан, что даже специалист с трудом разберется в изображении.

Как бы ни располагалось отверстие по отношению к изображению, если в одно украшение входят две монеты или больше, то отверстия всех монет должны быть аналогичными. Об этом говорят все подобные находки. Нет ни одного случая, чтобы в одном ожерелье были монеты с отверстиями на разные стороны.

В одиночной монете или ожерелье с одной монетой пробивается новое отверстие только после того, как сломается старое, и только рядом со сломанным отверстием. Это относится ко всем известным

автору одиночным монетам с 2-3 отверстиями.

Иначе составлялось ожерелье из двух и более монет. Если брались две новые монеты, то отверстия у них пробивались в одном месте. Обычно такие монеты очень близки по годам выпуска. Можно даже сказать, что, если в одном погребении встретилось больше одной сасанидской монеты, и по археологическим материалам нельзя понять, принадлежат ли они к одному украшению или разным, то нужно посмотреть на диапазон дат выпуска и расположение отверстий. Если и то, и другое совпадает, значит, скорее всего эти монеты принадлежат одному украшению. Подобные комплексы в погр. I кургана 35 и в погр. 120 Верх-Саинского могильника. Такими же комплексами являются 8 монет Кавада I (вместе и одна отдельно) из погр. I кургана 54 Верх-Саинского могильника, две монеты Пероза из погр. 11г Бартымского I могильника (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.39). Учитывая завоз сасанидских драхм второй волной вместе с дирхемами, комплексом того же типа можно признать погр. 29с Агафоновского II могильника, включающее 3 драхмы Хосроя II и 7 куфических дирхемов (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.59). Если у монеты ожерелья подобного типа ломается отверстие, новое пробивается рядом (погр. 213 Неволинского могильника). Но бывали случаи, когда для составления украшения использовались уже бывшие в употреблении монеты со сломанными или целыми отверстиями. В таких случаях и у той, и у другой монеты пробивались новые, симметричные отверстия. Такими являются комплексы из погр. 155 Неволинского могильника и погр. 2 кургана 9 Верх-Саинского могильника (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.24, 56, 60).

Вероятно, был возможен и такой вариант, когда к одиночной монете на ожерелье позже добавлялась еще одна или больше, новая или бывшая в употреблении монета, где пробивалось симметричное отверстие. Практика показывает, что возможен как случай сочетания почти одновременных монет (погр. 276 Варнинского могильника) (Семенов В.А., 1980, с.64), так и весьма значительный разрыв в датах (погр. 230 Неволинского могильника) (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.62). Самым удивительным примером такого комплекса можно назвать погр. 13 могильника Чем-Шай, где в одном украшении сочетаются драхма Хосроя II и несколько саманидских дирхемов, промежуток между ними в 300 лет. Может возникнуть предположение, что эта драхма и еще одна, найденная в этом могильнике, занесены второй волной поступления сасанидских драхм где-то в середине IX в. Но специфическая для украшений

«овальная» стертость драхм, чрезвычайно сильно выраженная по сравнению с хорошим состоянием дирхемов, свидетельствует о том, что все эти три века указанные драхмы Хосроя II использовались в Прикамье как украшения.

Р.Р.Фасмер в свое время писал, что, если на определенной территории все монеты с отверстием, то, значит, они применялись лишь как украшения (Фасмер Р.Р., 1933, с.482). Находки в Прикамье в принципе подтверждают эту мысль. О денежном и монетном обращении можно говорить только с конца VIII в., когда в Прикамье появляется значительное количество куфических дирхемов и первые клады, являвшиеся памятниками денежного обращения.

Следовательно, на величину периода запаздывания монет в Прикамье в VI-IX вв. влияли и другие факторы, кроме обычных: 1) в первую или вторую волну притока сасанидских драхм попала монета в регион; 2) драхма Хосроя II или более ранняя монета; 3) найдена она в «пермском» районе или в Верхнем Прикамье, или на Чепце. Эти и многие другие причины не позволяют установить единый, обязательный, средний период запаздывания драхм в целом по региону (за исключением непробитых монет).

Так что правы А.К.Амброз и другие исследователи, подчеркивая значение сравнительной хронологии археологических комплексов (Давидович Е.А., 1968, с.248; Амброз А.К., 1980, с.12). Только с ее помощью можно установить, насколько больше период запаздывания монет Хосроя II над более ранними, как долго добиралась монета из «пермского» района в Верхнее Прикамье и на Чепцу. И только после этого можно будет вычислить средний период запаздывания драхм, но не в целом по региону, а для отдельных категорий монет и отдельных археологических культур. Но для этого нужно четко разработать максимально подробную сравнительную хронологию для всех культур региона (по крайней мере Прикамья).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К., 1980.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.
- Ахмеров Р.Б., 1984.* Стерлитамакский могильник и его изучение // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань.
- Генинг В.Ф., 1953.* Бродовский могильник // КСИИМК. Вып. 52
- Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1990.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983.* Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобыт-

ную эпоху. Ижевск.

Грязневич П.А., 1971. Табаристанские полудрахмы из коллекции Азиатского музея в собрании Эрмитажа // Сообщения ГЭ. Вып.33. Л.

Давидович Е.А., 1968. О среднеазиатских монетах в связи с датировкой археологических объектов // История, археология и этнография Средней Азии. М.

Дьяконов М.М., 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.

Колесников А.И., 1982. Завоевание Ирана арабами. М.

Королев К.С., 1985. Предки коми на Средней Вычегде // Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С. Из жизни древних коми. Сыктывкар.

Любомиров П.Г., 1923. Торговые связи Руси с Востоком в VIII-XI вв. // Уч. зап. Саратов. гос. университета. Т.1. Вып.3

Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.

Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара.

Морозов В.Ю., 1995. Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской) области // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара.

Морозов В.Ю., 1996. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // КЕС. Самара.

Потин В.М., 1971. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды ГЭ. Т. XII. Л.

Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск.

Теплоухов Ф.А., 1985. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. Т.3. Пермь.

Тревер К.В., 1939. Художественное значение сасанидских монет // Труды отдела Востока ГЭ. Т.1. Л.

Фасмер Р.Р., 1933. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. №6-7.

Фрай Р., 1972. Наследие Ирана. М.

Цоцелия М.В., 1981. Каталог сасанидских монет Грузии. Тбилиси.

Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.

Янина С.А., 1962. Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // ВАУ. Вып.3.